

УДК 821.161.1-31 (Пелевин В.О.)
ББК 83.3(2Рос=Рус)64

А.Н. Безруков

ЭЛЕМЕНТЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЭТИКИ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Исследуется природа синтеза текстов В. Пелевина и элементов восточной поэтики. На примере романного творчества автора – «Т» (2009), «Бэтман Аполло» (2013), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) – объективируется вопрос функционирования в индивидуальном художественном дискурсе обозначенных примет. Особым образом в прозе Пелевина обыгрывается религиозно-философский аспект дзен-буддизма как смежного направления восточной культуры. Элементы восточной поэтики особым образом организуют сюжет и тематический блок произведений. Анализ прозы В. Пелевина подтверждает мысль, что компиляция разных в эстетическом плане миросозерцательных позиций расширяет горизонт смысла, редуплицирует ризому коннотаций. Сделан вывод, что реализация примет восточной поэтики в текстах В.О. Пелевина на уровне мотивов и образов объективно конкретизирует процесс культурного синтеза современной литературы.

Ключевые слова: поэтика восточной литературы, современная проза, постмодернизм, Виктор Пелевин, культурный синтез, эстетика чтения.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-138-145

Безруков Андрей Николаевич – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Башкирского государственного университета, филиал в г. Бирске.
Тел.: +7 906-106-65-44
E-mail: in_text@mail.ru

© Безруков А.Н., 2020.

Современный литературный процесс многомерен и разнообразен. Синтезируя большую часть культурного наследия, мировое искусство развивает новые формы оценки окружающих реалий. Мир, социум, человек все больше рассматриваются с позиций синергии, компиляции, ризомы. Для реализации художественно-эстетического замысла писатели, поэты, драматурги национальные идеи (на примере других, не собственно своих принципов) сводят к объективации типологического, концептуального, масштабного. Отечественной прозе также свойственно манифестировать синтез культурно-исторических парадигм. Приметы восточной поэтики нарочито слышны и конкретизированы в текстах Василия Аксенова, Андрея Битова, Венедикта Ерофеева, Фазиля Искандера, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Татьяны Толстой. Проблема синтеза отечественной и мировой культуры, таким образом, нарочито востребована и актуальна, рассмотрение же частной практики обозначенного процесса есть попытка конкретизировать общие приметы динамики современного ядра литературы.

Указанный авторский ряд, конечно же, неоднороден, каждый из названных прозаиков самобытен, уникален, индивидуален, неодинаковы и художественные методы письма. И все же не говорить о влиянии восточной поэтики на выработку программы собственных эстетических действий неправильно, и, на наш взгляд, нецелесообразно. На наш взгляд, актуальность вопроса влияния

специфических черт восточной литературы на современный процесс заключается в некоем исключительном желании художников слова свести к идейно-разряженному контрапункту крайность полюсов мирового масштаба, обеспечив при этом расширение спектра смысловых магистралей. Акцент манипуляций в режиме игры с культурными кодами Востока нарочито предпринимает Виктор Пелевин. Его взгляд на мир в русле подобной модели чтения становится объемнее, загадочнее, генеративно продуманнее, эмпирически сложнее. Исходя из высказанной точки зрения следует, что целью данной работы является выявление элементов восточной поэтики в текстах В.О. Пелевина, а также определение их функции, обозначение роли восточного кода в авторском литературно-художественном дискурсе.

Следует отметить, что проза Виктора Пелевина представляет собой довольно сложный конгломерат эстетических полюсов и разнородных точек зрения. Неслучаен выбранный автором стиль наррации, некая иная поведенческая модель оценки, рецепции бытия. Пастиш, бриколаж, стилизация, нонселекция отличают язык Пелевина, позволяют размыть стандарты художественного и эстетического, утвердиться в генеративном и постмодернистском. Герои пелевинских текстов зачастую оказываются в позиции созерцателей мирового пространства, которое для них, да и для автора, аксиологически ценно. Фокусными в поэтике пелевинской прозы становятся восточная литература, философия Дзэн, некий дистанцированный от европейской языковой картины мира редуцированный взгляд на мир. Эстетический полюс Пелевина в многоликости преображений мира, автор подобные эксперименты ставил еще в начале своего пути – малых нарративных формах («Мардонги», «Хрустальный мир», «Ника», «Бубен Нижнего мира»).

Вопрос синтеза прозы Виктора Пелевина и восточных элементов, обыгрывался в критических источниках. Хотя однозначной позиции относительного этого пока нет. Следовательно, декодировать факторы присутствия указанных элементов целесообразно, ибо это позволит «феномен Пелевина» объективировать, при этом отчасти подвергнуть его и концептуально-критической оценке. Думается, что код восточной поэтики важен для всей прозы постмодернизма (Венедикт Ерофеев, Саша Соколов, Андрей Битов, Владимир Сорокин, Татьяна Толстая), который ориентирован на редупликацию, умножение, инверсивность, тем самым на симулятивную природу художественных претворений. Таким образом, тексты указанных писателей-постмодернистов можно рассматривать далее в русле избранного нами фокуса, ибо намеченная проекция получает фиксацию на уровне сюжетики, образной системы, разрешения художественной коллизии.

Литературный процесс второй половины XX в. находился под действенным влиянием, или же столкновением Европы и Азии. Тенденции рассмотрения широкого спектра проблем, заложенные еще в Античности, удваиваются с течением исторического времени. Если ранее Гомер, Гесиод, Демокрит, Сократ, Платон, Плутарх, Вергилий и другие «ска-

зители» Древней Греции и Древнего Рима объективировали реальную действительность, идеалистически и концептуально выстраивали собственные тексты, в формате диалога говорили о единстве и правильности истины, то дальнейший ход показал, что синтез оценки как таковой весьма и весьма условен. Средние века, как помним, действительно показали развитие двух полюсов миропонимания, мировосприятия: западного и восточного. В этом, видимо, и заключена логика плюралистичных моделей рецепции событийного порядка, крайность и латентное несоответствие крайностей, отличность одной ветки эстетической парадигмы от другой.

Ситуация постмодернизма – явления массового и синкретического – сбивает весь культурный запас в конце XX в. в позиционный, амбивалентный текст. Наличный авторский дискурс при такой форме организации мыслепотока уже не представляет особого интереса и рассматривается как компиляция «уже сказанного». Дидактически и акцентно в литературе всем правят интертекст, интердискурс, симулякр, пастиш, парафраза, метатекст, игра с культурным наследием. При этом и читатель меняет принципы восприятия, декодирования художественного пространства. При погружении в атмосферу гиперцитаты выходом становится только новая ссылка на смежный объект. Литературно-художественный дискурс приобретает оттенки и признаки аморфного эстетического образования. Непохожесть на других нивелируется как самоцель творчества постмодернистской прозы. Ярким примером дублирования эстетико-философской культуры Востока и являются тексты Виктора Пелевина.

Раннее творчество В.О. Пелевина не так объемно ориентировано на восточную поэтику, хотя романы 1990 – 2000-х имели подобные отсылки. Это ощущается и в «Омон Ра» (1992), и в «Чапаев и Пустота» (1996), и в «Generation 'П'» (1999), и в «Empire V» (2006). Но последующий период писательской активности ярок восточными культурными заимствованиями, нетривиальностью игры с данными кодами, знаками. Буквально, заголовки текстов сознательно (или же бессознательно) ориентируют на статусность восточного колорита – «Т» (2009), «Бэтман Аполло» (2013), «Любовь к трем цукербринам» (2014), «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018). Дуалистический характер имеет синтезированная история: для писателя это проекция и базис художественно-эстетического вымысла, который смешивается в единый поток культуры, для читателя – пролонгация смыслового горизонта ожидания. Таким образом, интеракция есть примета настоящего, естественный и закономерный исход современности. Цифровое пространство мира позволяет реципиенту перемещаться и двигаться в том направлении, которое более удобно для него, оно просто более комфортно для декодирования и расшифровки.

Смысловые грани пелевинских текстов расширяются за счет нарочитого использования элементов восточной поэтики. Конечно же, масса

идей и авторских кодов совместима с сингулярностями дзен-буддизма, но это не слепое копирование – денотат – это художественная верификация маски. Ролевая раскладка, которая так необходима постмодернизму, у Виктора Пелевина реализуется путем внедрения мотивов, образов, знаков восточной философии и культуры. На наш взгляд, указанный блок элементов является приметой стиля, модератором объективного. Литература всегда склонна сводить эмпирику эстетически познанного к концептуальному, типическому, характерному. Фиксируется это и в наследии Востока (Реза Амир-Хани, Решад Нури Гюнтекин, Нагиб Махфуз, Орхан Памук, Салмад Рушди, Рабиндранат Тагор, Халед Хоссейни), и литературе Европы (Гюнтер Грасс, Джеймс Джойс, Альбер Камю, Карлос Кастанеда, Франц Кафка, Милан Кундера, Томас Манн, Терри Пратчер, Мишель Уэльбек Умберто Эко), и, безусловно, отечественной прозе (Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Борис Васильев, Владимир Войнович, Даниил Гранин, Сергей Довлатов, Фаизль Искандер, Владимир Маканин, Анатолий Рыбаков, Александр Солженицын, Василий Шукшин).

Генезис синкретизма того или иного текста заключается в природе художественного языка, умении литерального слова кристаллизовать контекстуальную информацию, сводить в единое пространство смыслы, аккумулировать потенциал высказанного. Следовательно, элементы восточной поэтики опредмечивают философию текстов Виктора Пелевина, позволяют мнимость художественного мира, его иллюзорный фон представить неким социально-психологическим аргументом: *«Молодой человек снял бейсболку, положил ее на шезлонг таким образом, чтобы видна была надпись на ней, и деликатно присел рядом. На бейсболке было написано: «SKOLKOVO SAILING TEAM». Видимо, молодой человек давал понять, что у него тоже есть лодка, но пока еще маленькая»* [Пелевин, 2019, с. 9 – 10]. Таким образом, читатель ориентирован автором на баланс между правильной формулой и путем, который он должен определить для себя сам. Восточная философия срачивается с полипозицией эстетики, одновременно с этим, не стоит забывать, что «восточному типу философствования присущи в качестве определяющих характеристик идеализм, иррационализм, интровертность, космоцентризм» [Степанянц, 1997, с. 61]. Догма процитированного четко выстраивается и у Виктора Пелевина. Порой, складывается впечатление, что автор комбинаторику восточных примет и элементов еще более кодирует, или синтезирует с постмодернистским Хаосом. Художественный тип мышления, свойственный Пелевину, изначально диалектически трансцендентен, но вымышленная реальность корректирует фактор имманентного, уже столь необходимого не для писателя, но реципиента. Знания, информация, истинность есть концентрат объективного, не случайно в «Бхагавадгите» уточняется:

«Ведь ничто не сравнится в мире
с очищающей силой знания;
его тот лишь в себе обретает,
кто пришел к совершенству в йоге» [Степанянц, 1997, с. 63].

Стоит констатировать, что вариации на тему мирозерцаний, мировоззрений в восточных традициях у Виктора Пелевина все же сведены к фиксации глобальных перемен, к отражению предчувствий катастрофы, которая происходит как в сознании человека, так и в эмпирике его эстетических переживаний. Постмодернистские принципы при этом обеспечивают столь необходимую свободу для писателя, свободу естественного принятия реципиентом формируемого авторского дискурса.

Центральной проблемой последних романов Виктора Пелевина – «Т», «Бэтман Аполло», «Тайные виды на гору Фудзи» – является критическая оценка реальности. Стоит заметить, что для Пелевина реальность не есть буквальная тождественность настоящему, происходящему. Он как писатель-постмодернист конфигурирует условную модель, окружающую человека по принципу симулякра, некоего подобия, копии без оригинала. В «Тайных видах на гору Фудзи» читаем: *«Когда выходишь из джаны, все то, что волновало тебя перед ней, уже смылось, забылось, исчезло. И хоть оно опять, конечно, налезет и начнет кусать и мучать – так уж устроена лоханка человеческой головы – стряхнуть все это полностью хоть раз в день очень многого стоит»* [Пелевин, 2019, с. 137]. Образный ряд вводится в систему художественной наррации с явным допущением для читателя достоверности и правды. Хотя и в этом автор играет с максимумом метафорического и аллегорического: *«Реальность состояла из двух противоположных сил. Первой был ветер, ровный и неизменный. Он старался подхватить Т. и унести вверх. В нем была прохлада, и он вселял надежду. Другой силой была тяжесть, похожая на усталое согласие чего-то огромного и древнего с самим собой. Она была горячей и обесиливающей, и тянула Т. вниз. В точке, где находился Т., обе силы уравнивали друг друга...»* [Пелевин, 2017, с. 167]. Вариация на тему восточных мотивов и философии Дзэн в данном случае способствуют автору реализовать кристаллизацию процесса обновления. Герой пелевинского романа приближается к просветлению и правде, читатель движется вслед за ним. Следовательно, Постмодернистский аксиологический ценз вновь изменен, дополнен, критически деструктурирован. В свое время Пелевин довольно конкретно обозначил суть проблемы мировоззренческих изменений: *«Вопрос похож на мост, а мост похож на вопрос, обращенный человеком ко времени и пространству...»* [Пелевин, 2005, с. 350]. Перспектива менталики автора в том, как необходимо обращаться к себе для достижения лучшего результата: диалогически вопрошать. И это работает у данного автора весьма продуктивно: *«Когда “не думаешь” обычным мирским образом, но самом деле в тебе по-прежнему работает много маленьких умов и умишек, чьи мысли просто не доходят до сознания, потому что все они думают разное»* [Пелевин, 2019, с. 136].

Естество метафизики прозы Виктора Пелевина созвучно ряду художественно-эстетических экспериментов Владимира Сорокина. В частности повесть «Метель» (2010) Сорокина заканчивается «гибе-

лью» героев. И Перхуша, и Платон Ильич Гарин, не достигнув желаемой цели, а дело было благим и праведным, принимают удар социальной и природной стихии весьма стойко, с подавляющим чувством самоотверженности. Герои не разуверились в собственном предназначении миру. Философски, с оттенками восточной терпимости и рациональности художественная наррация заканчивается описанием следующего: *«В кармане тулупа у Перхуши нашлись рубль серебром, сорок копеек медью, зажигалка и две хлебные корки. Документов при нем не было. Китаец стал шарить у него за стьолой пазухой и на шее обнаружил два шнурка: на одном висел медный православный крестик, на другом – ключ»* [Сорокин, 2015, с. 222 – 223]. Как строг автор в точке финала, это и известные картины из Ф.М. Достоевского, и двойственность мифологического, архаического, и тайнопись восточного. Вполне понятно, что «ключ» как акцент есть не только буквальная отмычка для «конюшни Перхуши», это завеса тайны, путь, который только предстоит пройти. Таким образом, художественный диалог культур, фактор синтеза восточной поэтики с современностью, дают писателям возможность подключать потенциальных реципиентов к процессу достаточно важной и сложной дешифровки бытия. Мир настоящего нуждается в том, чтобы быть не только отгаданным, разведанным, но и изученным, а это может сделать хорошая литература.

Современный художественный текст все больше напоминает компиляцию образчиков, клише, стандартов, пиктограмм. Формами реализации подобной комбинаторики в произведениях становятся путешествие, сон, интродукция души, агнозия времени и пространства, сегрегация сознания. Финалом романа «Бэтман Аполло» Пелевина становится достаточно интересное размышление: *«Постепенно в мою душу снизошел покой... Значит, я повзрослел. Стал серьезнее и спокойней. И, конечно, мудрее. Неизмеримо мудрее. И мудрость опять оказалась не тем, что я представлял. Не доскональным знанием всего и вся... Свет, яркий белый свет листает книгу жизни, полную мертвых анимограмм. О чем эта книга? О грусти, тщете, страдании и непостоянстве, иллюзиях и обманах – и, самое главное, о том, что жаловаться некому. Но не в том смысл... Кто будет сотрясать вселенную могучими крыльями, наполняя ее ветром, чье гневное лицо увижу я перед собой, когда последний сон сдует прочь?... Последний сон как раз в этом и состоит, что кажется, будто есть некто, кто спит – и может проснуться. И когда пробуждаешься от этого последнего сна, нет уже ни надежды, ни страха...»* [Пелевин, 2013, с. 484 – 486]. Типология сна, рождаемая сознанием героя, становится для читателя попыткой осмысления масштабов мирового пространства. В данном случае, объем эстетически мыслимого, условно видимого сопоставим только с восточной менталикой, умением обеспечить и поддержать «условия свободного выбора» [Степанянц, 1997, с. 56]. Игровая сфера – дискурс – для Пелевина преодолевается пониманием факторов самопрезентаций языка, образный строй которого рисует следующее: *«... горизонт послушно превратился в косую линию, похожую на склон огромной и древней синей горы. Гора была рядом – и очень-очень далеко. Она*

была отчетливо видна – и полностью от всех скрыта» [Пелевин, 2019, с. 413]. В восточной литературе пиктография горы значима и дейктически мотивирована. Данный образ есть ориентир на полярность позиций и точек зрения. Как отмечается, «смена жизни и смерти... в синтоизме оказалась чем-то вроде конфронтации скрытого и видимого мира. Переход из скрытого в видимый – рождение (уму), из видимого в скрытый – смерть (сину), между ними – становление (нару)» [Восточная поэтика..., 1983, с. 162]. В «Тайных видах на гору Фудзи» момент счастья, о котором собственно и идет речь на протяжении всей наррации, только наступает, происходит зарождение понимания, что оно есть на самом деле. Цитата Кобаяси Исса не случайна:

*«Катацумури!
Соро-соро ноборе
Фуджи-но яма!»* [Пелевин, 2019, с. 15].

В контексте хайку автор еще в самом начале определяет, что *«важна не цель, а движение, работа»* [Пелевин, 2019, с. 16]. Счастье, вероятно, в движении к результату, осмысленный выбор, который должен сделать сам человек. Сюжетика романа объективна и проста, его образный строй понятен, но художественная коллизия текста в условиях современности практически не разрешима. Открытый вопрос так и остается паузником – близкого – далекого, видимого – условного.

Таким образом, можно сделать вывод, что культура Востока, философия ситуативного/вековечного, элементы дистантные от европейской поэтики способствуют реализации авторского замысла: раскрепощения человека для возможной адекватной реакции/оценки мирового устройства. На наш взгляд, приметой текстов Виктора Пелевина в сопоставлении с рядом восточных мотивов становится не упрощение контуров находимости человека, но их размывание с фигурацией обертонів дискурса. Язык пелевинских романов абсолютизирован (конгломерат знаков) и сегментирован (иерархия коннотаций); сверхзадачей для автора становится рецептивное приращение новых значений, сознательное умножение правильного, истинного. В данном случае уместна конкретизация, что Дзэн «это не столько изображение природы, сколько явление природы» [Уотс, 1993, с. 255], ибо «художественная форма Дзэн создается чисто случайно» [Там же, с. 256]. Вариантный принцип письма Виктора Пелевина органично дополняет литературный процесс, движущийся по спирали приращения мировой художественной практики. При этом чтение находится в ситуации множественности коннотаций смыслов, а также конструктивной реляции оценки бытия.

Литература

Восточная поэтика. Специфика художественного образа / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1983. 262 с.

Пелевин В.О. Relics: избранные произведения. М.: Эксмо, 2005. 352 с.

Пелевин В.О. Бэтман Аполло. М.: Эксмо, 2013. 512 с.

Пелевин В.О. Т. М.: Изд-во «Э», 2017. 480 с.

- Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
 Сорокин В.Г. Метель. М.: АСТ, 2015. 224 с.
 Степанянц М.Т. Восточная философия: Вводный курс. Избранные тексты. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 503 с.
 Уотс А. Путь Дзэн: пер. с англ. Киев: София, Ltd., 1993. 320 с.

References

- Vostochnaya poehtika. Spetsifika khudozhestvennogo obraza.* Otv. red. P.A. Grintser, M., Nauka, 1983, 262 p. (In Russian).
 Pelevin V.O. *Relics: Izbrannyye proizvedeniya.* M., Eksmo, 2005, 352 p. (In Russian).
 Pelevin V.O. *Batman Apollo.* M., Eksmo, 2013, 512 p. (In Russian).
 Pelevin V.O. *Tainnyye vidy na goru Fudzi.* M., Eksmo, 2019, 416 p. (In Russian).
 Pelevin V.O. *T. M.,* Izd-vo «E», 2017, 480 p. (In Russian).
 Sorokin V.G. *Metel'.* M., AST, 2015, 224 p. (In Russian).
 Stepanyants M.T. *Vostochnaya filosofiya: Vvodnyy kurs. Izbrannyye teksty.* M., Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura», 1997, 503 p. (In Russian).
 Watts A. *Put' Dzen:* per. s angl. Kiev, Sofiya, Ltd, 1993, 320 p. (In Russian).

Andrey N. Bezrukov (Birsk, Russian Federation)

Elements of Eastern Poetics as Regulatory Tools of the Modern Literary Process

The article deals with the nature of the synthesis of modern Russian prose and elements of Eastern poetics. On the example of Victor Pelevin's texts – *T* (2009), *Batman Apollo* (2013), *Secret views of Mount Fuji* (2018) – the question of functioning in the author's artistic discourse of the designated signs is objectified. In a special way in V.O. Pelevin's prose the religious and philosophical aspect of Zen Buddhism as the adjacent direction of East culture is played. Elements of Eastern poetics organize the plot and thematic block of works in a special way. The variant principle of Viktor Pelevin's writing organically complements the literary process, moving in a spiral of increment of world art practice. Moreover, reading is in a situation of multiple connotations of meanings, as well as a constructive relational assessment of being. Elements of oriental poetics in Pelevin discourse acquire shades of semantic tricks. The synergy of the author's experiment is also becoming a reception model for the potential reader. An open dialogue, thus, produces the manipulation and synthesis of cultural signs with their own halo of readings.

The analysis of the prose of Victor Pelevin confirms the idea that the compilation of different aesthetically world contemplation positions expanding the horizon of meaning, reduplicate the rhizome connotations. It is concluded that the implementation of Eastern poetics in the texts of postmodernism at the level of motives and images objectively concretizes the process of cultural synthesis of modern literature.

Key words: *poetics of Oriental literature, modern prose, postmodernism, Victor Pelevin, cultural synthesis, aesthetics of reading.*

Andrei N. Bezrukov – Ph. D. of Philology, Associate Professor
 Department of Philology Bashkir State University, Branch in Birsk. Phone:
 +7 906-106-65-44; e-mail: in_text@mail.ru